

Ф. СОЛОГУБ

К всероссийскому торжеству

Судьбы переменчивы: претерпевший многие гонения при жизни и по смерти, Пушкин воспоминается торжественно, официально установленным порядком -- и, однако, "будут последняя горша первых".

Не обидно ли, что великое имя становится достоянием толпы, у которой по-прежнему нет ничего общего с тем, кто носил это имя? Непонимание "тупой черни" столь же грубо, как и в старину, и ее низменные помышления столь же, как и в прежние дни, далеки от чистых дум поэта. Что ей до него? Что ей Пушкин?

Поэт и человек равно необыкновенный, человек пламенных страстей и холодного ума, в себе нашедший верную меру для каждого душевного движения, на точнейших весах взвесивший добро и зло, правду и ложь, ни на одну чашу весов не положивший своего пристрастия, -- и в дивном и страшном равновесии остановились они, -- человек великого созерцания и глубочайших проникновений, под всепобеждающею ясностью творческих изображений скрывший мрачные бездны, -- кому он сроден? Как и при жизни, он кажется равен со всеми, всякому по плечу, -- но кому же он сроден? Из позднейших один лишь Достоевский мрачно и неуравновешенно подобен ему, все же прочие -- иного духа.

Дух века настолько далек от того, чем жил Пушкин, что почти радостно думать о его недоступности для толпы, которой с ним нечего делить. В этой толпе, которая, медлительно раскошеливаясь, тупо соображает, куда ей лучше нести свои гроши -- на его ли медное изображение, на своих ли голодающих, -- в этой толпе, которой священное его воспоминание не стыдно делать предметом газетной полемики, -- в этой толпе все ему чуждо. До такой степени чуждо, что иногда какие-то вирши выдаются за вновь открытые пушкинские стихи, и признаются, и нравятся.

С недоумением смотришь на приготовления к "всероссийскому", якобы, торжеству; и начинаешь иногда думать с тревогою: неужели есть и у Пушкина что-нибудь для сегодняшней толпы? Или и в самом деле есть в нем нечто банальное, общедоступное? И так ли он велик, как мы думали?

Напрасные опасения, -- как белизна небесных облаков, чиста стихия пушкинской поэзии.

Зачем же этот праздник, все эти жалкие торжества, эти спектакли, гулянья, чтения и пения, флаги, фейерверки, колокола, пушки -- и что еще там будет? -- вся эта бутафорская рухлядь, обязательно хранимая на складе для обязательно справляемых годовщин? Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманные поминки, вызванные не свободным и неудержимым подъемом общенародного духа, а простою календарною справкою литературных гробохраниелей.

Вот стихотворение молодого поэта Корина, которое в немногих словах, но точно передает это наше чувство обиды и возмущения против нового бесчинства толпы:

Сбылось! По всей Руси великой
Крылатый стих твой пролетел,
И в сердце черни полудикой
Он смутным эхом прогудел.
И вот, кощунственно играя
Священным именем твоим,
Тебе несет толпа слепая
Своих кадильниц чад и дым.
Восстань, поэт! Как прежде, смело
Возвысь пред ними гордый глас:
"Подите прочь! какое дело
Поэту мирному до вас!"

Вот, уже сказано это было им, уж недвусмысленно выразил поэт свое к ним презрение, -- чего же им еще?